

Открывая книгу, мы надеемся найти собеседника, чтобы провести с ним часы или дни, перенимая его знания и жизненный опыт.

Собрание сочинений Д. С. Лихачева, первый том которого читатель держит в руках, принадлежит замечательному собеседнику, наблюдательному и мудрому человеку, прожившему долгую и достойную жизнь. Он видел две революции, три войны, прошел через Соловецкий лагерь, пережил блокаду, более 60 лет прослужил в Пушкинском Доме, написал несколько десятков книг.

Но прежде всего он был мыслитель. У него было умное сердце, умевшее видеть незримые идеи, и окрыленный ум, привыкший запечатлевать их в прозрачную оболочку слов. Он знал то, о чем ведают немногие: что не время определяет судьбу, а сам человек, преодолевая давление времени. Он умел подниматься над своей эпохой и парить над ней, выбирая, по его словам, “те воздушные течения, которые идут снизу вверх”. Он знал, что судьба творится во вне-временности и что Бог незримо участвует в ней.

Однажды в юности, во время заключения на Соловках, он пережил страшную ночь в ожидании расстрела и стал воспринимать каждый новый день как подарок судьбы. Он “разомкнул” время своей жизни, переместив точку отсчета в вечность. Он научился соотносить с вечностью течение своего бытия.

К своей жизни он относился как к творчеству, как к произведению искусства, которое старался писать только “крупными линиями”.

Опыт прожитых лет не отягощал его, а возвышал над действительностью. Возвышенность духа была в высшей степени характерна для его восприятия жизни и для научного творчества. Он умел подниматься над горизонтом и охватывать мысленным взором широкие временные пространства.

Главным предметом его исследования была культура России на всем протяжении ее развития. Дмитрий Сергеевич воспринимал ее целостно, как личность, различал родовые черты, находил – во всем многообразии – объединяющие начала. Основаниями русской культуры он считал христианство и европеизм.

Живя во времени, он был рыцарем вечности. Вся его деятельность была направлена на преодоление смерти и забвения. У него было обостренное чувство долга перед ушедшими, долга памяти. Не случайно в одной из своих записных книжек он вспоминал о старике из романа Вальтера Скотта, который очищал ото мха и лишайников старые могильные плиты с надписями на них.

Он знал, что забвение страшнее смерти. Потому что смерть имеет отношение к отдельной личности, а забвение – к самому содержанию жизни: к духовным ценностям, подвигам, культуре, которые являются общим достоянием человечества. Поэтому он, как мог, противостоял забвению, стараясь сохранить память об ушедшем в словесном “бытии”.

Слово он ценил чрезвычайно высоко, считая его одной из главных форм преодоления смерти. “Воспоминания”, написанные им в конце жизни, очевидно, были созданы с той же целью. Он рассказал в них о Петербурге начала XX века, о семье, о школе, о Соловках, о блокаде... Но, пожалуй, не только об этом. Прикасаясь к вечности, он постарался передать в них дух ушедшей эпохи, живое дыхание жизни, – запечатлеть образы всех, кого он встречал, знал и любил.

В настоящем издании “Воспоминания” открывают собой первый том. В него вошли также две его юношеские работы – “Тезисы доклада о старой орфографии” (1928) и “Картежные игры уголовников” (1930). Обе они тесно связаны с “соловецкой главой” его судьбы, поэтому составители и поместили их в первый (“биографический”) том.

Здесь же, в разделе “Из архива Д. С. Лихачева”, публикуются неизвестные материалы, хранящиеся в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Среди них – первый опыт его “автобиографических записок” (1927), написанных от лица “академика Космической Академии наук”, и несколько писем, продолжающих темы “Воспоминаний”. В них рассказывается об училище К. И. Мая, о Соловецком лагере, о жизни в эвакуации в Казани, о судьбе ближайших друзей.

В конце тома помещено интервью Д. С. Лихачева о соловецких мучениках веры и написанная им историческая “справка” о судьбе мощей князя Даниила Московского (ковчег с которыми он хранил у себя дома в конце 1970-х – начале 1980-х гг.).

Во второй том вошли статьи и заметки из записных книжек Д. С. Лихачева, связанные с его размышлениями об истории России, о значении Петербурга в истории русской культуры, о судьбах русской интеллигенции, о проблеме сохранения культурного наследия во всем многообразии его форм.

Большинство статей, включенных в этот том, были написаны им в последний период жизни, который он посвятил осмыслению путей русской культуры. В своем осмыслении Дмитрий Сергеевич опирался на богатые историко-литературные материалы, накопленные им за долгие годы, и на собственный исторический опыт, охватывавший трагическую эпоху XX века. Рассматривая русскую культуру как единое целое, он ясно видел ее сложность и многообразие, но при этом уделял особое внимание объединяющим началам, подчеркивая ее восприимчивость и открытость другим культурам.

Пожалуй, один из самых важных разделов второго тома посвящен теме сохранения культурного наследия. В нем собраны воспоминания Дмитрия Сергеевича о культуре и быте поморов, о “философских” садах Японии, о правилах поведения англичан. Здесь же помещена и его статья о значении церковнославянского языка в сохранении традиций Русской церкви. Завершают второй том заметки из его записных книжек на разные волновавшие его темы: об интеллигентности, о науке и “ненауке”, о жизни и смерти.

Третий том включает избранные работы Д. С. Лихачева по теории и истории литературы. В него вошли главы из трех книг: “Очерки по философии художественного творчества” (1996), “Великое наследие” (1975) и “Литература–Реальность–Литература” (1981).

Основную часть этого тома составляют исследования вершинных произведений древнерусской литературы: “Повести временных лет”, “Слова о полку Игореве”, “Жития протопопа Аввакума” и др. Продолжением этого ряда служат статьи, посвященные анализу произведений русских классиков: Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Пастернака... Объединить их позволяет общий исследовательский подход (названный им самим “конкретным” литературоведением), при котором каждое литературное произведение рассматривается в контексте исторической действительности, породившей его, – действительности, перевоплотившейся в слово.

Во всех трех томах широко представлены фотографии из личного архива Д. С. Лихачева – те лица и лики, которые он особенно любил. Ведь “лицо человека, – согласно его излюбленному выражению из «Поучения Владимира Мономаха», – это самое большое чудо во всей Вселенной, ибо в мире нет двух одинаковых лиц...”.